

АФРИКА: ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ И ЭТНОРАСОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Д.М. БОНДАРЕНКО
Доктор исторических наук
Институт Африки РАН

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ ТАНЗАНИЙСКИХ И ЗАМБИЙСКИХ СТУДЕНТОВ К СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ ЕВРОПЕЙСКОГО И ЮЖНОАЗИАТСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: Танзания, Замбия, толерантность, нация, студенчество, диаспора

Замбия, в отличие от Танзании, как и большинство постколониальных государств Африки, не имеет «объективной» - хотя бы отчасти доколониальной - основы национального единства. Ни одна из местных культур не в состоянии играть эту роль; интеграция очень различающихся между собой, прежде зачастую никак не связанных друг с другом (или связанных слабо, или конфликтовавших), народов современной Замбии началась только в колониальный период и благодаря колониализму.

Таким образом, исторической и культурной основой формирования замбийской нации не может служить что-нибудь иное, кроме колониального социокультурного наследия, включая английский язык. Некоторые замбийцы отмечали в интервью, что народы Замбии «имеют сходства в культурах и традициях», «говорят на схожих языках» и т.п., но, конечно, никто из них не мог утверждать, что они принадлежат к одной и той же автохтонной культуре в том смысле, в каком танзанийцы различного этнического происхождения причисляют себя к носителям культуры *суахили*. Не вызывает сомнений, что именно существование культуры *суахили* в Танзании и отсутствие аналогичной ей в Замбии обусловило описанную ранее разницу в проценте респондентов в двух странах, убежденных в наличии единой национальной культуры и считающих, что существуют лишь отдельные этнические культуры, несмотря на попытки замбийского государства, начиная с 1990-х гг., представить многоязычие (и, следовательно, поликультурность) не как препятствие, а как фактор, способствующий строительству нации¹.

Более того, с точки зрения перспектив национального стро-

ительства Замбия в сравнении с Танзанией имеет как минимум еще один сдерживающий фактор. В доколониальные времена на территории Танганьики (континентальной части Танзании), за исключением королевства Шамбаа (Шамбала), не сложились централизованные экспансионистские политические образования, которые в постколониальном независимом государстве могли бы стать центрами трибалистского националистического регионализма или сепаратизма и пробуждать у соседних народов историческую память об их угнетении предками нынешних сограждан². Некоторые наши рес-

понденты отмечали отсутствие трибализма как признак существования танзанийской нации наряду с языком и культурой *суахили*.

В то же время на территории Замбии в доколониальный период возвысились как минимум четыре мощные политии (народов *бемба, лози, лунда и чева*), и в этой связи показателен ответ студентки на вопрос «Что необходимо сделать в сфере межэтнических отношений?»: «Улучшить межэтнические отношения путем избавления от комплекса неполноценности, который отдельные люди из некоторых этнических групп испытывают по отношению к другим этническим группам, например, к *бемба* и *лози*».

Если танзанийское законодательство не признаёт власть вождей, то Конституция Замбии

Миссионерское кладбище в Багамоё (Танзания) при первой католической миссии в Восточной Африке, основанной в 1869 г.

Окончание. Начало см.: Азия и Африка сегодня, 2011, № 12.

1996 г. провозгласила создание Палаты вождей, которая, как прямо заявил в беседе с нами один из ее членов, старается оказывать влияние на все сферы общественной и политической жизни страны и на региональном, и на общегосударственном уровне, пусть официально ее прерогативы ограничиваются так называемыми «традиционными вопросами». Деревенские и окружные вожди также являются весьма влиятельными фигурами на своих уровнях компетенции (например, как нам удалось выяснить в ходе полевого исследования, их невозможно обойти добывающим компаниям,

Индуистский храм и мечеть в Лусаке.

Англиканская церковь св. Андрея в Ливингстоне (1910 г.) - одна из старейших церквей в Замбии.

даже крупным зарубежным, желающим разрабатывать недра на подвластных им землях).

Итак, если в Танзании национальное единство имеет основу в доколониальной культурной истории автохтонных народов (и мысль об этом внедряется в сознание граждан официальной идеологией), то в Замбии такая основа была создана (разумеется, произвольно) только колониальным режимом. Студенты университетов в своем большинстве относятся к той части общества, которая исповедует гражданские ценности и привержена идее национального единства. Не может

ли более позитивное восприятие замбийскими студентами меньшинств, образовавшихся благодаря колониализму, быть объяснено как проекция их менее негативного отношения к колониальному прошлому, поскольку, в противоположность танзанийским коллегам, они рассматривают его в том числе как время начала формирования своей нации?

Наши данные подтверждают эту гипотезу. Прежде всего, отметим, что среди замбийских респондентов оказалось гораздо больше тех, кто считает, что именно в колониальный период были заложены основы национального единства и прогресса их страны (42,6%; среди танзанийских студентов - лишь 24,5%). В Замбии этот ответ практически столь же популярен, что и ответ

«колониализм нанес вред народам страны» (43,4%), тогда как в Танзании уступает более чем в два раза (24,5 против 52,8%). Многие замбийские собеседники прямо говорили, что замбийская нация сформировалась (или начала формироваться) в колониальные времена, а получение страной независимости явилось кульминационным моментом ее истории (типичное высказывание: нация «сформировалась после того, как в 1911 г. Северо-Западная и Северо-Восточная Родезия были объединены и образовали Северную Родезию, которая была провозглашена независимой Замбией в 1964 г. С тех пор замбийская нация сохраняется, даже несмотря на то, что у нас [в стране. - Д. Б.] - 72 этнические группы»³). В полную противоположность танзанийским информантам, в Замбии никто из тех, у кого были взяты интервью, не отнесил формирование нации к доколониальному периоду; напротив, несколько человек утверждало, что даже в наши дни замбийской нации не существует, а есть лишь конгломерат более семидесяти «племенных» культур.

Далее наглядно подтверждается предположение о том, что чем положительнее мнение людей о колониализме, тем более они толерантны в отношении соотечественников европейского и южноазиатского происхождения.

В частности, среди респондентов в обеих странах, видящих истоки их прогресса в колониальном периоде, 91,3% заявили о своем хорошем или очень хорошем отношении к европейцам, тогда как о плохом - ни один человек! Но еще более важно отчетливое нарастание толерантности в отношении к общинам неафриканских мигрантов по мере понижения степени негативности оценки колониального периода: среди считающих колониализм, прежде всего, злом к европейцам относятся положительно 79,4% респондентов, к индийцам - 68,4%, а среди видящих в колониализме истоки национального единства и прогресса - 91,3 и 75,8%, соответственно. Наша гипотеза о том, что более толерантное восприятие меньшинств, порожденных колониализмом, замбийскими студентами связано с менее негативной оценкой ими колониализма как явления, породившего их нацию, представляется еще более убедительной, если обратить внимание на то, что и в Замбии, и в Танзании процент толерантно относящихся к выходцам из Европы и Южной Азии среди студентов, считающих, что колониализм дал толчок сложению наций, существенно выше среднего по выборкам. Однако также необходимо отметить, что взаимозависимость между восприятием колониального прошлого и неафриканских диаспор неполная: как особо подчеркивалось выше, большинство наших респондентов в своих ответах демонстрировали толерантное отношение к обеим диаспорам, т.е. их позитивная оценка превалирует и среди тех, кто считает колониализм несомненным злом.

В то же время мы ожидали меньшей толерантности от респондентов, наиболее приверженных традиционной культуре и ее ценностям. Как индикаторы «степени традиционализма» нами рассматривались ответы на следующие вопросы анкеты: «Допускаете ли Вы, что женщина может иметь право слушаться мужа?», «Сколько детей, по Вашему мнению, оптимально для семьи?», «Знаете ли Вы народные песни и сказки?», «Считаете ли Вы необ-

ходимым совершение обрядов культа предков, по крайней мере, в важных случаях?» и «К кому Вы обратитесь в первую очередь в случае болезни: к профессиональному врачу или народному целителю?». Как нетрудно было предвидеть, среди наших респондентов действительно оказались традиционалистски-ориентированные молодые интеллектуалы, но не очень много: 20,8% заполнивших анкеты (29,4% танзанийцев и 11% замбийцев) убеждены, что женщина не вправе слушаться мужа ни при каких обстоятельствах, 32,7% (26,4% в Танзании и 39,9% в Замбии) хорошо знают фольклор своего народа, 32,2% (44,5% респондентов в Танзании и 18,2% в Замбии) считает необходимым совершать подношения духам предков, 71,7% (68,6% танзанийских респондентов и 75,2% замбийских) ни при каких условиях не отправятся на прием к знахарю. Исключение составляет одна из базовых и наиболее фундаментальных ценностей всех африканских культур: стремление иметь много детей: только 22,1% молодых образованных танзанийцев и замбийцев (30,8% и 15,6%, соответственно) считают оптимальным количество детей в семье не более двух.

Таким образом, в среднем около трети молодых интеллектуалов в двух странах могут считаться более или менее традиционалистски-ориентированными, но стоит обратить внимание на то, что в Танзании их доля оказалась заметно большей, чем в Замбии (вопрос об оптимальном количестве детей, как отмечалось выше, представляет собой особый случай). Является ли традиционализм предиктором меньшей толерантности в отношении неафриканских мигрантов - людей принципиально иных этнических культур? Если посмотреть, в частности, на то, как распределилось отношение к европейцам и южноазиатам респондентов в обоих государствах, по-разному воспринимающих культ предков - основу традиционного африканского мировоззрения⁴, то станет видно, что среди респондентов, не приверженных тради-

ции, больше тех, чье отношение к неафриканским мигрантам положительное: 86,3% против 80,9% в случае с европейцами и 72,2% против 62,8% в связи с индийцами. Таким образом, традиционализм является не сильным, но все же реальным предиктором отношения представителей коренного населения к неафриканским меньшинствам.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И РЕЛИГИЯ

Мы также предположили, что на восприятие респондентами соотечественников неафриканского происхождения могли повлиять еще два фактора: вероисповедание и степень религиозности. Религиозный состав населения Танзании и Замбии принципиально различен. В Танзании примерно по 40% граждан - мусульмане и христиане (но последних намного больше среди представителей высокообразованных слоев общества⁵; характерно, что среди наших респондентов оказались 124 христианина и только 43 мусульманина), остальные же в основном язычники (их крайне мало в высокообразованной среде, и в нашей выборке они оказались не представленными). В Замбии же, безусловно, доминируют христиане (в выборке - 98,5% респондентов). В то же время, как показали наши исследования в Танзании, проведенные ранее, от социальной группы людей с хорошим светским образованием следует ожидать менее высокого уровня религиозности (и, соответственно, более высокого - секулярности) по сравнению с представителями менее просвещенных слоев общества⁶. При этом секулярность не следует путать с атеизмом: лишь один (!) из более чем 2000 человек, опрошенных в Танзании в ходе трех полевых сезонов, охарактеризовал себя как атеиста. К тому же степень секулярности даже наиболее высокообразованных африканцев в целом не столь высока, как среди современных европейских или американских интеллектуалов. Для африканцев религия остается значимым аспектом мировоз-

зрения, фактором самоидентификации, определения отношения к людям с другими и общественно-политическими взглядами, но ее роль не решающая и, вероятно, может в дальнейшем понизиться до определенного уровня в связи с развитием системы образования, а также распространением «глобальных» масс-медиа.

Тем не менее, более ранние исследования также позволили обнаружить, что нарастание секулярности, прямо связанное с развитием системы образования (которое не только светское само по себе, но и открывает более широкий доступ к современным, в основном секулярным, средствам массовой информации), ведет к повышению уровня религиозной и понижению - этнической и расовой толерантности, поскольку секуляризация делает религиозные сходства и различия менее важными для индивида, перенося центр тяжести в вопросах самоидентификации и идентификации окружающих с трансцендентных и универсалистских ценностей монотеистических религий на земные и локальные этнокультурные ценности. В этой связи можно вспомнить о том, сколь неразрывно были взаимосвязаны процессы секуляризации, подъема национального самосознания и развития высшего (университетского) образования в Европе Нового времени. Несомненно, именно благодаря тому, что в Танзании есть культура суахили, общая для большинства людей различной религиозной и этнической принадлежности, процент тех, кто убежден в существовании единой национальной культуры, оказался существенно выше среди танзанийских студентов, чем среди замбийских, несмотря на гораздо большее религиозное многообразие и их общества в целом, и их непосредственной социальной среды.

Также показательно, что в обеих странах среди респондентов, считающих, что построение политических организаций на религиозной или этнической основе допустимо, большая часть отдает предпочтение второму варианту (27,2% против 19,4% в Тан-

зании, 35,3% против 30,1% в Замбии). Стоит отметить и то, что, хотя оба этих принципа отвергаются большинством и танзанийских, и замбийских студентов, все же это большинство не столь подавляющее в Замбии (67,3%; в Танзании - 76,7%), где, как уже подчеркивалось, фундамент национального единства объективно слабее.

Первая гипотеза относительно религии как возможного фактора межрасовой толерантности или ксенофобии в Танзании и Замбии, которую мы проверим, - состоит в том, что разница в отношении африканских студентов к европейскому и южноазиатскому меньшинствам может частично объясняться различиями в религиозном составе населения двух стран. Танзанийские и замбийские европейцы - почти исключительно христиане различных деноминаций, «индийцы» же представляют собой конгломерат практически всех религиозных групп, распространенных в Южной Азии, при некотором преобладании мусульман, впрочем, справедливо не позволяющем африканцам идентифицировать эту общину в целом как мусульманскую и формировать свое отношение к ней на основе признака религии. Относятся ли замбийские студенты в целом к европейцам лучше, чем студенты танзанийские, поскольку первые почти все - христиане, а среди вторых заметную часть (в нашей выборке - 25,7%) составляют мусульмане?

Нет. Высказанная выше гипотеза не находит подтверждения при анализе собранного материала. Во-первых, не только среди танзанийских студентов в целом, но и среди танзанийских студентов-христиан уровень толерантности в отношении европейцев оказался ниже, чем в Замбии (2,9% против 0,7% отрицательных оценок), во-вторых, хотя среди христиан значительно меньше тех, кто относится к европейцам «очень плохо» или «плохо», и больше относящихся к ним «безразлично» или «хорошо», среди мусульман оказалось гораздо больше респондентов, охарактеризовавших свое отношение к европейцам как «очень хорошее» (35,1 против 26,2% христиан). Неместное происхождение как таковое определяет и положение неафриканских диаспор в обществе, и их восприятие этнорасовым большинством в намного большей степени, чем религиозная принадлежность⁷.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

Высокий уровень образования способствует культурной интеграции танзанийских мусульман и христиан и преодолению тенденции к обособлению, характерной для приверженцев ислама⁸. По

Памятник Дэвиду Ливингстону и его верным африканским помощникам - Сусе и Чуме - у здания аэропорта г. Ливингстона.

нашему мнению, то, что гипотеза о прямой связи между религиозной принадлежностью и отношением к европейцам оказалась ложной, свидетельствует не только о непервостепенной важности религии как маркера идентичности в Танзании⁹, но и о роли секуляризации (даже относительной и далеко не полной) в определении отношений между согражданами африканского и неафриканского происхождения.

Еще более важно то, что студенты университетов - это люди, получающие образование, европейское по форме (системе) и происхождению, основанное на секулярных ценностях европейской цивилизации Нового времени. И именно получение такого образования предопределяет будущий высокий общественный статус наших респондентов, что они отлично сознают.

Показательны собранные ранее данные по афротанзанийцам, вовлеченным в сферы деятельности, само появление и современное развитие которых в Африке связано с европейским влиянием, в частности, по врачам и преподавателям школ и вузов: 85,7% врачей и 72,9% преподавателей обозначили свое отношение к европейцам как «хорошее» или «очень хорошее», тогда как к арабам, - соответственно 66,6% и 47,9%, а к индийцам - 64,2% и 41,7%.

Возможно, понимание того, что современное светское образование было принесено в Африку европейцами, также способствует менее одностороннему восприятию студентами колониального прошлого, частью наследия которого является само проживание европейцев и индийцев в современных африканских государствах. Не только практически все христиане, но и несколько высокообразованных мусульман отмечали, что развитие изначально европейского светского образования является несомненным благом для страны и ее народа. Один из таких мусульман, профессор, резюмировал: «Те, кто принес нам ислам, принес нам медресе для заучивания Корана. Те, кто принес Библию, принес нам так-

же светскую школу». Даже пожилой оманский араб, нещадно критиковавший молодежь за интерес к западной массовой культуре, на вопрос: «Принесли ли все же европейцы в Африку хоть что-нибудь хорошее?», ответил не задумываясь: «Образование». Это понимание может являться и дополнительным фактором, обуславливающим лучшее отношение высокообразованных людей к европейцам, чем к индийцам. Дополнительным потому, что оно лучше не только в высокообразованных, но во всех социальных слоях танзанийского общества¹⁰, и мы не видим причин, которые могли бы заставить нас сомневаться в аналогичности ситуации в Замбии.

Теперь попытаемся выявить связь между относительной секулярностью / религиозностью сознания наших респондентов и толерантностью / ксенофобностью их этнорасовых установок. Для этого мы сопоставим ответы на вопрос: «Как часто Вы молитесь?» (включенный в анкету как индикатор религиозности / секулярности, т.к. имелось в виду, молятся ли респонденты в соответствии с догматами своих религий или нет) с ответами на вопрос об отношении к европейцам и южноазиатам.

Можно констатировать, что секуляризация (в известном смысле означающая европеизацию, особенно в Африке), сопряженная с ростом уровня образования, играет противоречивую роль в определении отношения африканцев к неафриканским меньшинствам. В силу описанных выше причин способствуя их лучшему отношению к европейцам, она одновременно приводит к некоторому понижению степени общей этнорасовой толерантности в высокообразованных слоях общества.

Менее секуляризованные респонденты оказались более толерантными. Так, о «плохом» или «очень плохом» отношении к европейцам заявили только 0,7% замбийских и танзанийских студентов, молящихся в соответствии с заповедями своих религий, а к индийцам - 4,9%, тогда как

среди студентов, не следующих религиозным предписаниям столь строго, - 3,6% и 14,4%.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ

Далее посмотрим, оказывает ли существенное влияние на отношение наших респондентов к инорасовым меньшинствам этническая принадлежность.

Мы разделили респондентов на три категории: представителей крупнейших народов каждой из стран, насчитывающих более миллиона человек в Танзании (*сукума, гого, хайя, ньямвези, ха, ньякьюса и хехе*¹¹) и более полумиллиона в Замбии (*бемба, тонга, ньянджа, лози, нгони, нсенга и тумбука*), представителей всех остальных этнических групп и лиц смешанного этнического происхождения. Не относятся ли представители крупнейших народов к согражданам неафриканского происхождения более высокомерно? Или, может быть, выходцы из меньших этнических групп относятся к мигрантам более ревниво? Однако ни одно из этих предположений не подтверждается результатами исследования: этническая принадлежность не влияет на отношение студентов к диаспорам. Например, в Танзании к европейцам «хорошо» или «очень хорошо» относятся 78,3% представителей крупнейших этносов и 78,4% - остальных народов; не выявляется какой-либо тенденции и в других случаях.

Еще один фактор, который, как кажется, мог бы повлиять на отношение африканцев к неафриканским мигрантам, это место рождения. Возможности для общения с европейцами и индийцами существенно различаются в больших городах, где представители этих меньшинств сконцентрированы почти всецело, и в маленьких городах и деревнях, где они практически не проживают. Также в силу многих причин жизнь в крупных населенных пунктах предоставляет лучшие возможности для интеллектуального и культурного развития, формирования более широкого взгляда на мир.

Хотя в момент исследования все наши респонденты являлись жителями крупнейших, столицных городов своих государств (в Танзании де-факто, а в Замбии и де-юре), их мировоззрение формировалось там, где они выросли и где прошла до той поры большая часть их жизни. К тому же в Африке люди крайне редко рвут сильные и многообразные связи, в том числе духовные, с родными краями, даже если переселяются далеко от них. Так, 79,7% наших танзанийских и 93,5% замбийских респондентов, имеющих родственников за пределами Дар-эс-Салама и Лусаки, общаются с ними не реже нескольких раз в год.

Однако собранные данные не позволяют утверждать, что уроженцы крупных городов толерантнее студентов, приехавших из небольших населенных пунктов; не прослеживается и какой-либо иной тенденции в связи с местом рождения респондентов. Например, среди танзанийских студентов «хорошо» или «очень хорошо» относятся к индийцам 51,3% уроженцев Дар-эс-Салама, 50% - других крупных городов, 57,2% - приехавших из малых городов и 58,1% - прибывших из деревень. А сведения об отношении замбийских студентов к европейцам распределились следующим образом: «хорошо» или «очень хорошо» относятся к ним 95,4% - студентов, родившихся в Лусаке, 83,4% - приехавших на учебу из других крупных городов, 91,5% родившихся в небольших городах и 92,3% - уроженцев деревень.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Последний фактор, который мы рассмотрим, - экономический. Не секрет, что в целом европейская и южноазиатская общины богаче автохтонного населения, что иногда не только становится их отличительной чертой в глазах последнего (см. выше), но и вызывает обвинения в эксплуатации, нечестном обращении с коренными африканцами, презри-

тельном отношении к ним. Например, во взятых нами интервью, помимо положительных, встречаются и такие высказывания: европейцы «всегда отделяют себя от африканцев», «они эксплуатируют замбийцев и обогащают свои страны», индийцы же «придают слишком большое значение своим этническим и расовым отличиям от замбийских аф-

Голландская реформатская церковь в Лусаке (1919 г.).

риканцев», «дистанцируются от черных танзанийцев», «большинство из них любит самоизолироваться» от коренных африканцев и «не сотрудничает с африканцами в своей социально-экономической деятельности», они «не заботятся о своих [африканских] работниках, мало платят им», «плохо обращаются со своими работниками»¹².

«Рассказы о плохом отношении индийских работодателей к африканским рабочим правдивы», - признает индийская бизнесвумен и продолжает: «Я не буду пытаться утверждать, что индиец так не поступает, - не буду. Я только попрошу Вас помнить одну вещь: они (индийцы. - Д. Б.) пришли на место, которое не было их. Почему танзанийцы не держатся крепче за свое собственное место?» (т.е. почему афротанзанийцы не в состоянии сами развивать бизнес в своей стране?).

Слова другого индийского ин-

форманта отражают обратную сторону медали: «Мой дом - Танзания, и я в душе принял ее как свой дом. Но меня не очень-то принимают другие люди, и у меня много проблем. Даже когда я веду машину, иногда слышу, как кто-то говорит: “Эй, ты, мухинди («индиец» на суахили. - Д. Б.), что ты здесь делаешь?”, хотя я не сделал ему ничего плохого. Они

просто кричат: “Вы, азиаты! Вы, индийцы!”».

Неудивительно, что во время предвыборных кампаний и в Танзании, и в Замбии политики-популисты охотно разыгрывают карту «нечестности» мигрантов¹³. Несколько наших собеседников неафриканского происхождения также вспоминали подобные инциденты, причем некоторые при этом подчеркивали, что в действительности в их общинах патриотические чувства очень сильны. Словом, можно предположить, что у более бедных африканцев сложилось худшее мнение о европейских и южноазиатских соотечественниках¹⁴.

Но так ли это? Танзанийская выборка не дает для подобного вывода никаких оснований.

К европейцам лучше всех относятся респонденты, охарактеризо-

вавшие свое материальное положение как «плохое» (83,8%), а хуже всех - те, кто считает его «нормальным» (71,4%; среди тех, кто доволен своим уровнем благосостояния - 80,4%).

К индийцам же вновь наименее расположены представители «среднего слоя» студентов (50,8%), тогда как «бедные» и «богатые» студенты о них лучшего мнения, причем в практически равной степени - 63,3 и 63,8%, соответственно.

Что же касается замбийской выборки, то ее анализ, действительно, позволяет предположить, что наиболее нуждающиеся студенты относительно менее толерантны. В частности, показатели «хорошего» и «очень хорошего» отношения замбийских студентов в зависимости от их финансового положения («бедные», «средняки» и «состоятельные») к европейцам, - соответственно, 69,2, 95,9 и 93,8%, а к индийцам - 66,6, 79,7 и 89,4%. Однако из наших замбийских респондентов «бедными» признали себя лишь 15 человек (в Танзании - 31), а этого, особенно с учетом разброса мнений между ними, недостаточно, чтобы делать статистически достоверные выводы.

* * *

Итак, нами рассмотрен ряд разнообразных факторов, которые, как предполагалось априори, могут быть задействованы в формировании отношения к европейской и южноазиатской диаспорам студентов крупнейших университетов Танзании и Замбии, представляющих автохтонное большинство населения этих стран.

Не все факторы оказались значимыми; это касается вероисповедания - христианского или мусульманского, принадлежности к большому либо малому этносу, места рождения и, возможно, материального положения. Роль секуляризации оказалась важной и при этом амбивалентной.

Существенные же факторы, однозначно ведущие к повышению уровня толерантности, - менее негативная оценка роли колониализма и меньшая приверженность традиционным ценностям и культуре. Учет обоих этих факторов важен для объяснения более высокой степени этнорасовой толерантности замбийских студентов в сравнении с их танзанийскими коллегами. Однако первостепенное значение, по нашему убеждению, имеет существование с доколониальных времен культу-

ры и языка суахили как основы национальной интеграции автохтонных народов при почти полном отсутствии сильных централизованных политий в Танзании и лишенность таких благоприятных предпосылок вплоть до периода колониализма в Замбии.

Таковы исторически взаимосвязанные причины того, что в процессе сложения постколониальных наций афротанзанийцы могут ощущать свое единство более остро и, следовательно, исключать из своего круга, из категории «мы» своих не африканских по происхождению сограждан чаще и жестче, нежели афрозамбийцы.

Различия в социокультурных основаниях, усиленные разницей в исторической памяти о доколониальном и колониальном прошлом, служат основой до некоторой степени несовпадения (на статистическом уровне) взглядов студентов на порожденные колониализмом неафриканские меньшинства, несмотря на то, что положение этих меньшинств в современных танзанийском и замбийском обществах практически одинаково, оставаясь очень своеобразным и в известном смысле двойственным.

¹ Marten L., Kula N. C. Zambia: "One Zambia, One Nation, Many Languages" // Language and National Identity in Africa. Oxf., 2008. P. 291-313.

² Проблема Занзибара, наследника работоргового Занзибарского султаната, созданного и управлявшегося оманскими арабами, а ныне, наряду с Танганьикой, составной части Объединенной Республики Танзании, совершенно иная по своей сути, хотя, естественно, ситуация в островной части государства оказывает сильное прямое воздействие на процесс национального строительства в стране в целом (см., в частности: Peter C.M., Othman H. Zanzibar and the Union Question. Zanzibar, 2006; Mwakikagile G. The Union of Tanganyika and Zanzibar: Product of the Cold War? Pretoria, 2008; Демичева Е. Б. Межэтнические отношения на Занзибаре // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Труды Российской комплексной экспедиции в Объединенной республике Танзания (сезон 2005 г.). (Отв. редактор Коротав А.В.) М., 2008. С. 45-56.

³ 72 - официальное число местных «племен», образующих расовое большинство населения Замбии.

⁴ Fortes M. Some Reflections on Ancestor Worship in Africa // African Systems of Thought. L., 1966. P. 122-142; Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 104-116; Бондаренко Д.М. Культ предков как центральный элемент традиционных религиозно-мифологических систем Тропической Африки // Африка: общество, культуры, языки (проблемы теории и методологии). (Отв. редактор Следзевский И.В., Бондаренко Д.М.) М., 1996. С. 81-95; Perspectives on Africa: A Reader in Culture, History, and Representation. Malden - Oxford, 2010. P. 283-322.

⁵ О причинах и следствиях этого см.: Бондаренко Д.М. Исламо-христианские отношения, образование и политика в современной Танзании // Азия и Африка сегодня. 2004, № 9. С. 27-35.

⁶ Бондаренко Д.М. Образование и толерантность в современной Танзании: этнорасовый и профессиональный аспекты // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании. Его же. Обра-

зование и толерантность в Танзании (по материалам Российской антропологической экспедиции 2003 и 2005 гг.) // Джулиус Камбараре Ньерере - первый президент свободной Танзании. (Отв. редактор Винокуров Ю.Н.) М., 2010. С. 56-62.

⁷ Bondarenko D.M. Interreligious Tolerance in Contemporary Tanzania: The Gender Aspect of Christian-Muslim Mutual Attitudes // Мужчина и женщина. Эволюция отношений. (Отв. редактор Ксенофонтowa Н.А., Казанков А.А.) М., 2007. С. 254-257.

⁸ Bondarenko D.M. The "Fruit of Enlightenment": Education, Politics, and Muslim-Christian Relations in Contemporary Tanzania // Islam and Muslim-Christian Relations. 2004. Vol. 15, № 4. P. 443-468.

⁹ Ibid. P. 459; Бондаренко Д.М. Исламо-христианские отношения в свете проблемы образования // Мусульмане и христиане в современной Танзании. Труды участников российской экспедиции (Отв. редактор Саватеев А.Д.) М., 2005. С. 69-70.

¹⁰ Бондаренко Д.М. Образование и толерантность в современной Танзании; Халтурина Д.А., Коротав А.В. Индотанзанийцы // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании... С. 28-43.

¹¹ Маконде более многочисленны, чем хехе, но их не оказалось среди наших респондентов.

¹² Heilman B. Who are the Indigenous Tanzanians? Competing Conceptions of Tanzanian Citizenship in the Business Community // Africa Today. 1998. vol. 45, № 3-4. P. 369-387; Халтурина Д.А., Коротав А.В. Индотанзанийцы // Межрасовые и межэтнические отношения в современной Танзании...

¹³ Patel N. A Quest for Identity: The Asian Minority in Africa. Fribourg, 2007. P. 16.

¹⁴ Поясним, что нас интересовало не «объективное», а «субъективное» финансовое состояние респондентов, т.е. не каковы размеры их доходов, а как они их воспринимают: оценивают ли они свое материальное положение как «очень хорошее», «хорошее», «нормальное» или «плохое».